

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА

Русскій, драматическій театръ.

Гастроли Н. М. Гондатти.

Н. М. Гондатти пользуется въ провинціи большою извѣстностью, но въ Петербургъ она пріѣхала впервые. Репертуаръ ея почти сплошь состоитъ изъ репертуара В. Ф. Коммиссаржевской. Поэтому неудивительно, что наши театралы, въ памяти которыхъ все еще свѣжи образы, созданные покойной артисткой, съ живымъ интересомъ отнеслись къ выступленіямъ провинціальной гостьи.

Для перваго выхода г-жа Гондатти выбрала «Дикарку» Островскаго, вещь, въ которой Коммиссаржевская, какъ и въ другихъ русскихъ произведеніяхъ—была много слабѣе, чѣмъ въ пьесахъ Гауптмана, Метерлинка, Шницлера и др. Тонкій и глубокий талантъ ея носилъ космополитическій, а не національный характеръ. Г-жа Гондатти, наоборотъ, даетъ въ своей Варѣ—настоящаго, подлиннаго Островскаго. Это действительно—грубоватая, «черноземная», деревенская барышня, выросшая въ полѣ, среди крестьянскихъ работъ—совершенно лишенная воспитанія и образованія, дѣйствующая исключительно по напѣямъ своего необузданнаго темперамента и русской «смѣлкаки». У нея широкое, загорѣлое, пышущее здоровьемъ лицо, громкій, заразительный хохотъ, рѣзкія, размахистыя движенія; она вся—порывъ, вся—сила,

вся—жизнь. Именно эта дикая непосредственность и очаровываетъ пресыщеннаго парижанина Ашметьева; именно на этой откровенной, юной честности и основывается прямой, дѣятельный Мальковъ свое будущее семейное счастье. Г-жа Гондатти—хорошая, яркая, интересная Варя, ни одной чертой не напоминающая восхитительный, но совершенно разошедшійся съ замысломъ Островскаго, образъ Коммиссаржевской. Казалось—послѣднее слѣдовало бы поставить ей въ заслугу, а не въ упрекъ. Съ ея стороны было бы гораздо менѣе чуткимъ—пріѣхать къ намъ съ повтореніемъ и подражаніемъ нашей покойной любимицы. Между тѣмъ публика и часть критики недовольны именно ея самобытнымъ толкованіемъ знакомыхъ Петербургу ролей.

Особенно сильно сказалось это недовольство въ «Войъ бабочекъ» Зудермана, устарѣлой, условно-пазидательной пьесѣ, вся сущность которой заключается въ трагическомъ и симпатичномъ характерѣ самоотверженной, талантливой дѣвочки, Розы. Коммиссаржевская была здѣсь, поистинѣ, неподражаема. Ея Розы—выросла въ символъ—символь солнечной, всеполюбящей, радостной, чистой юности; мечтой, сказкой, свергающей весенней бабочки—вырвалась она въ тусклые будни холодной, горькой дѣйствительности; каждый жестъ ея былъ плѣнительенъ, каждая улыбка дышала обаяніемъ мягко и нѣжно расцвѣтающей женственности: однимъ словомъ—это была сама поэзія, сама красота и теперь глядя назадъ, кажется, что не напрасно пьесѣ этой суждено было сыграть такую роковую роль въ жизни Коммиссаржевской: въ ней она впервые выступила передъ Петербургомъ; въ ней же, совершенно больной, играла и послѣдній разъ, въ Ташкентѣ...

Настоящее выступленіе было такимъ образомъ, исключительно отвѣтственнымъ и труднымъ для г-жи Гондатти. Повторить Рови Коммиссаржевской въ Петербургѣ—являлось немислмымъ; надо было создать совершенно новую, иную, противоположную. Г-жа Гондатти повидимому

приняла это соображеніе въ расчетъ. Она дала самую обыкновенную, честную, трудолюбивую дѣвочку мѣщанской, нѣмецкой семьи. Неуклюжія движенія, некрасивый плачъ, которымъ она напрасно злоупотребляетъ, такъ же какъ и неизящной, хотя вѣрной и обдуманной мимикой. Эта дѣвочка не трогаетъ, не очаровываетъ, не умиляетъ; она только забавляетъ. Въ ней много уравновѣшенной, даже дѣловитой трезвости и ни тѣни поэзіи, ни луча мечты. Только правдивостью, только безкорыстіемъ и отличается она отъ окружающихъ. Она совсѣмъ не хочетъ правиться ни Кесслеру, ни Максу, ни Вильгельму, ни публикѣ; кокетства въ ней нѣтъ ни малѣйшаго. Въѣхше—она и лицомъ и фигурой тяжела для Розы; въ голосѣ мало молодой гибкости; ей не слѣдовало бы играть эту роль въ Петербургѣ. Но тѣмъ не менѣе воплоти отрицать ея толкованіе нельзя; оно обдуманно, жизненно, своеобразно и честно—въ отношеніи полнаго пренебреженія къ выиграннымъ сценическимъ ухищреніямъ и эффектамъ.

Во всякомъ случаѣ г-жа Гондатти талантливая, интересная антриса и раздающаяся по поводу ея гастролей протесты предвзяты и пристрастны. Любопытно было бы посмотреть ее въ тѣхъ болѣе артельныхъ и цѣльныхъ, чѣмъ образы полудѣвочекъ. По печальному обыкновенію гастролирующаго она окружила себя слабыми исполнителями. Въ труппѣ есть старый знакомый петербуржецъ г. Любошъ (Ашметьевъ, Кесслеръ), актеръ опытный и способный, но страдающій переигрываніемъ. Изъ остальныхъ приличны г-жа Кондорова (Анна Степановна г-жа Гергентхеймъ), г. Музилъ (Вильгельмъ) и, пожалуй, г-жа Алейникова (Марія Ашметьева, Эльза), игра прочаго состава труппы—отдаетъ злостнымъ любительствомъ.

Постановка свѣзная, сборная изъ болѣе или менѣе соответствующихъ декораций бывшаго театра Рейнске. Публики на двухъ первыхъ выступленіяхъ г-жи Гондатти было много и принимали ее, въ общемъ, хорошо.